

УДК 94(6-13):069
ББК 63.3(67)+79.19

Музеификация травматического прошлого в Южной Африке: конкуренция нарративов*

О.А. Богатова¹, А.В. Митрофанова^{2,3}

¹Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва (Саранск, Россия)

²Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (Москва, Россия)

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия)

Museification of the Traumatic Past in South Africa: Competing Narratives

O.A. Bogatova¹, A.V. Mitrofanova^{2,3}

¹National Research Mordovia State University (Saransk, Russia)

²Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology RAS (Moscow, Russia)

³Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Обобщаются результаты исследования, предпринятого методом этнографического наблюдения в январе 2020 г. в Южной Африке. Объектом послужили три мемориала: Музей апартеида, музей Лилислиф Фарм и Мемориал африканерским первопроходцам. Обобщение и анализ данных позволил выявить идеологическое и оценочное содержание экспозиций музеев, служащих цели увековечивания травматического прошлого ЮАР, а также их связь с коммеморативными нарративами и эволюцией исторической политики в XX–XXI вв. Авторами проведены параллели с некоторыми элементами советской внутренней и в особенности национальной политики, которые, не декларируя сегрегационных целей, приводили к сходным последствиям, а в постсоветский период стали рассматриваться как поощряющие этнический партикуляризм. Обоснован вывод, что во всех рассмотренных случаях репрезентации коллективной травмы и вооруженной борьбы выполняют легитимирующую функцию, обосновывая права этнических и расовых групп на территорию и государственное строительство. В целом, музейные экспозиции и мемориалы, посвященные апартеиду и увековечению событий, связанных с созданием государства, представляют образ разделенного общества.

The article summarizes the results of a case study undertaken with the help of non-participant observation in January 2020 in South Africa. Three memorial sites have been observed: the Apartheid Museum, the Liliesleaf Farm Museum and the Voortrekker Monument. Data collection and analysis have allowed identifying the ideological and evaluative content of the expositions of museums that serve the purpose of commemorating the traumatic past of South Africa, and tracing their relationship with other commemorative narratives and the evolution of historical policy in the 20th –21st centuries. The authors draw parallels with some elements of Soviet domestic and, in particular, national policy, which, without declaring segregation goals directly, engendered similar consequences, and became evaluated as encouraging ethnic particularism in the post-Soviet period. The article concludes that in all cases in question, representations of collective trauma and armed struggle fulfill a legitimizing function, justifying the rights of ethnic and racial groups to the territory and nation building. In general, museum displays and memorials dedicated to apartheid and commemorating events related to state building represent South African society as deeply divided.

---

*Исследование предпринято при поддержке гранта № 19-511-60005 ЮАР_т Российского фонда фундаментальных исследований, научно-исследовательский проект «Наследие расчеловечивания: транснациональная перспектива».

Ключевые слова: коллективная травма, социальная память, историческая политика, музей, апартеид.

Key words: collective trauma, social memory, historical policy, museum, apartheid.

DOI 10.14258/izvasu(2020)6-01

Предметом статьи, основанной на обобщении и анализе данных предпринятого авторами невключенного наблюдения в музеях Южной Африки в январе 2020 г., является меморизация травматического прошлого. Объектом наблюдения послужили: Музей апартеида и Музей-квартира Лилислиф Фарм, расположенные в Йоханнесбурге, и мемориал африканерским первопроходцам (Voortrekkermonument) в столице ЮАР Претории.

Как отмечает Э. Содаро [1], социальные функции музеев включают просвещение, воспитание, легитимацию, формирование и поддержание групповой идентичности. Содаро полагает, что после Второй мировой войны требование открыто говорить о политическом насилии стало ключевым элементом нескольких теорий коллективной памяти [2]. Смещение исследовательского фокуса связано с тем, что в исторической политике развитых стран произошел переход от героической, «сакрифицированной» – к «виктимизированной» форме памяти [3, с. 79]: статус жертвы становится легитимным источником групповой идентичности, права на компенсацию и переписывание истории [2].

Из современных теорий социальной травмы (Р. Айерман, Дж. Александер, Э. и Я. Зерубавель) следует, что определение исторических событий как коллективной травмы является социальным конструктом [4, с. 17], нуждающимся в официальном признании [5, с. 124], а также в институционализированных коммеморативных ритуалах и нарративах, основанных на мифологизации отдельных эпизодов истории [6, с. 20].

На мемориальную политику ЮАР существенное влияние оказал поворот правящей партии – Африканского национального конгресса (АНК) – от политики национального примирения к национально-демократической революции в 1997 г. [7, с. 148]. По мнению И.И. Филатовой, принятая политика нацистроительства создаёт впечатление, что АНК надеется создать нерасовое общество через углубление расового подхода [8, с. 297]. Эта политика нашла выражение в системе мероприятий, направленных на перераспределение власти и собственности от белого меньшинства к другим группам [8, с. 300–303; 9, с. 103].

Репрезентации событий, послуживших опосредованными причинами этих и других современных социальных проблем, отражающие нарративы социальной памяти и «контрпамяти» [6, с. 22] различных расовых и этнических групп, становятся основным предметом дистанционного конфликта интерпретаций прошлого.

Визуальные репрезентации коллективной травмы в контексте бурского национализма

Переходя к обзору музейных экспозиций, следует выделить прежде всего мемориал Великому треку в окрестностях Претории. Памятник бурским первопроходцам, переселившимся в 1830–1840-е гг. из захваченной англичанами Капской колонии в район Трансвааля и Оранжевой реки, был открыт в 1949 г. Мемориал представляет историю «борьбы за выживание, божественного благословения на победу над африканцами и страдания от рук англичан» [10, с. 263], в которой Великому треку и Англо-бурской войне отведена роль главных мифологизированных событий [6, с. 22].

Монумент находится на возвышенности и хорошо виден из центра Претории. Его архитектурный дизайн напоминает одновременно военный мемориал и собор. Здание, выполненное из местного камня рыжего оттенка, окружено расположенной ниже по склону каменной оградой с рельефами, изображающими повозки бурских переселенцев и головы быков, служивших тягловой силой. У подножия холма экспонируется копия повозки. Характерно оптимальное использование природных условий: ландшафта, освещения, рельефа. Украшенные узорами переплеты небольших окон создают узор и снаружи выглядят как часть декора, одновременно обеспечивая внутри полутемное освещение с учетом мемориального назначения здания и интенсивности инсоляции.

Памятник всегда выполнял коммеморативные и музейные функции, служа объектом всех отмеченных А. Ассман форм репрезентации исторической памяти [11, с. 493] – нарративизации Великого трека, экспонирования, инсценирования в виде перформативных практик исторической реконструкции.

Главным событием в концепции мемориала представлена битва на Кровавой реке 16 декабря 1838 г., в ходе которой бурский отряд во главе с А. Преториусом разгромил зулусов. Битва прекратила геноцид переселенцев местными вождями и гарантировала будущее бурских республик. Эта дата по настоящее время является государственным праздником ЮАР (День клятвы в период апартеида, в настоящее время – День примирения, или День Дингаана). Мемориал всегда имел религиозное значение, так как накануне битвы фуртрекеры дали обет посвятить Богу ее день в случае победы.

Памятной дате посвящен центральный объект в основном помещении здания – Зале героев. Это

плита-кенотаф с цитатой из песни, которая была гимном ЮАР в период апартеида: «За тебя, Южная Африка» (“Ons vir jou, Suid Afrika”), ежегодно 16 декабря освещаемая солнечными лучами через отверстие в крыше. Наличие кенотафа и освещение придает мемориалу сходство с собором и создает библейскую метафору исхода богоизбранного народа из египетского рабства и завоевания земли обетованной.

Эту отсылку поддерживают сцены вручения Библии фуртреккерам на рельефах внутри здания и размещенная на стендах информация об участии в Великом треке протестантских проповедников различных деноминаций. Бурский национализм репрезентируется с элементами гражданской религии, однако его светские компоненты сводятся к этническому национализму, в период открытия монумента противостоявшего расистской концепции «белой нации». Этническая концепция нации представлена как центральной надписью на языке африкаанс, так и скульптурными композициями.

Рельефы в верхнем зале здания и их черновые варианты в цокольном этаже представляют основные этапы Великого трека, в том числе взаимоотношения переселенцев с африканцами. Преобладают вооруженные столкновения, где переселенцы в начале представлены жертвами враждебного аборигенного окружения, затем одерживающими победу. Образы сражающихся фуртреккеров героизированы: они обороняются или ведут кавалерийскую атаку в открытом бою, в то время как туземцы убивают парламентаров, женщин и детей. Обретение переселенцами новой родины подается как результат справедливой войны. Последующие отношения коренных африканцев с белыми или их участие в Великом треке в качестве слуг практически не отражены.

Музейная экспозиция соответствует принципам XX в. и отличается разнообразием изобразительных средств. В ней содержатся черновые варианты барельефов из верхнего зала, картины и гобелены со сценами Великого трека, также содержащие отсылки к Библии. Большая часть выставки посвящена материальной культуре: несколько композиций из манекенов, изображающих бургские семьи на привале, витрины с артефактами, включая оружие, упряжь, посуду, одежду. Поясняющие надписи выполнены на трех языках, в том числе зулусском, и характеризуют Великий трек в ключе нормализации в качестве одного из великих переселений, имевших место в истории человечества. Упоминания о других этнических группах населения Южной Африки отсутствуют.

Несмотря на то, что частью экспозиции является символический светильник «Свет цивилизации», эта цивилизация репрезентируется как африканерская. Монумент служит легитимации права африканеров на территорию и государственность в Южной Африке.

Музей апартеида, построенный в 2001 г. на доходы от игорного бизнеса компании Голд Риф, находится в южной части Йоханнесбурга, возле одноименного парка развлечений, и демонстрирует официальную репрезентацию политики апартеида и борьбы с ней.

Музей предназначен для посещения туристами. Экспозиция выглядит бедной с точки зрения выразительных средств и состоит почти исключительно из стендов с фотографиями и экранов для демонстрации видеороликов. Дизайн и интерьер здания создают впечатление тюрьмы: изнутри стены окрашены в серый цвет, а стенды выполнены в виде металлических клеток, снаружи размещены фотографии и многочисленные подлинные артефакты.

Экспозиция включает кинозалы, в которых можно посмотреть короткие документальные фильмы. На территории музея расположены пилоны «Столпы конституции» с надписями: демократия, примирение, равенство, разнообразие, ответственность, уважение, свобода. Вход в музей имитирует сегрегированные общественные пространства эпохи апартеида и представляет собой проходную с двумя металлическими вертушками и вывесками «для белых» и «для не-белых». На стенах проходной размещены стенды с фотокопиями удостоверений личности граждан ЮАР, в которых отражена расовая принадлежность. Особый стенд рассказывает о «хамелеонах», изменивших паспортную расовую принадлежность. Очевидно, таким образом создатели музея стремились показать социальное происхождение расовых классификаций. Обозначение входа «для белых» или «для не-белых» напечатано на билетах, но соответствие входа билету не контролируется.

Рампа представляет собой широкий тротуар, посередине которого располагаются зеркальные пилоны с изображениями представителей различных рас, идущих к зданию музея. На обочине находятся стенды, посвященные прошлому Южной Африки, от появления гоминид до европейской колонизации. Лозунги на стендах («мы мыслители», «мы борцы» и др.) указывают на «мы-идентичность» коренного населения Африки, в то же время подчеркивается ущерб, нанесенный европейской колонизацией природной среде, обществу и культуре аборигенов. Один из стендов, на фоне которого расположена композиция из металлических прутьев, содержит фотографию группы бушменов в брюках и с угрюмым выражением лиц, а надпись на стенде поясняет, что этим аборигенам сменили перечисленные в ней имена на родном языке на христианские – Адам, Карл и т.д. Визуальный контекст позволяет заключить, что смена имен интерпретируется создателями музея как процесс, наносящий ущерб идентичности.

В здании музея металлические стенды расположены в виде коридоров. Основной коридор в первом

зале у входа содержит информацию – с одной стороны (справа) о становлении идеологии расизма и появлении режима апартеида, а с другой (слева) об общественных движениях небелого населения. В боковом коридоре справа от входа размещены экспонаты, посвященные истории бурского национализма, включая фрагменты пропагандистских фильмов: «Первопроходцы» (1916), «Они создали нацию» (1938), репродукции гравюр и фотографий событий эпохи колонизации, изображения монумента Великому треку.

В экспозиции апартеид характеризуется как система расовой и этнической политики, направленная не только на сегрегацию коренного населения, но и на его интеграцию в социальную структуру как источника рабочей силы с невысоким статусом, но грамотной и квалифицированной. Демонстрируется ряд аспектов политики апартеида: нормативно-правовые акты в виде перечня законов, в том числе о запрете межрасовых браков, административные (паспортизация с указанием расовой принадлежности), статистические (переписи населения), градостроительные (включая планы организованного перемещения небелых работников в Йоханнесбург из тауншипов на скоростных электричках), профессиональные (защита белых работников от конкуренции), образовательные (система образования на родном языке для небелого населения), административно-территориальные (самоуправляющиеся территории для коренных африканцев – homelands, известных под разговорным названием бантустанов).

Основное внимание уделяется негативным последствиям политики апартеида. Так, стенд о системе «банту образования» сообщает, что количество представителей банту с основным общим образованием возросло с одного миллиона до двух миллионов человек, но сами коренные африканцы протестовали против этой системы, требуя всеобщего интегрированного образования. Подробная информация о жилищной сегрегации в Южной Африке представляет ее как процесс, включающий ряд этапов: от запрета коренным африканцам селиться в городах, через концентрацию их в окраинных районах Йоханнесбурга и до выселения в отдаленные тауншипы. Видеоролики представляют переезд в тауншипы как упорядоченный процесс, включающий предоставление специально построенного типового жилья. Тем не менее аборигенное население сопротивляется переезду из-за отдаленности тауншипов.

Внутренняя паспортная система характеризуется в экспозиции как дискриминационное явление, ущемляющее права небелых граждан, так как их паспорта удостоверяли право пребывать на «белых» территориях, которое нужно было периодически продлевать. Информация о паспортной системе периода апартеида служит прологом к экспозиции «Переход к насилию».

Часть экспозиции, посвященная бантустанам, содержит карту homelands и статистические данные о составе их населения, из которых следует вывод о меньшей степени территориализации этничности по сравнению с СССР. Бантустаны были не компактными территориями, а состояли из разных по площади анклавов, население которых в общей сложности концентрировало менее 50% «титულიной» этнической группы.

В структуре экспозиции музея можно выделить две равные по количеству секций, описанных в буклете для посетителей, части. Первая, по отдел «Хоумленды» включительно, является информативной и дает материал для сравнения с советской внутренней и, в особенности, национальной политикой, многие элементы которой, не имевшие декларированных сегрегационных целей, тем не менее приводили к сходным последствиям, а в постсоветский период стали рассматриваться как поощряющие этнический партикуляризм.

Вторая часть экспозиции, начиная с секции «Политические казни», содержит преимущественно эмоциональное и пропагандистское послание. В этой части экспонируются такие артефакты, как множество петель палача в секции «Политические казни», посвященной памяти погибших в тюрьмах политических заключенных, интерьер одиночной камеры, полицейский броневедомоцикл и др. Визуальный ряд составляют документальный фильм о восстании в Соуэто в 1976 г., когда протесты школьников против обучения на языке африкаанс переросли в массовые беспорядки. Основная вина за насилие возлагается на государство. Стенды, посвященные военным конфликтам ЮАР с соседними странами, представляют конспирологическую версию о том, что режим апартеида по собственной инициативе дестабилизировал внешние границы, чтобы иметь возможность уничтожить активистов АНК за рубежом.

Переход к демократии представлен портретами и документальными кадрами Н. Манделы, его соратников, представителей уходящей белой правящей элиты, фотографиями первых всеобщих выборов, копией преамбулы конституции ЮАР с определением народа, «объединенного разнообразием», и другими репрезентациями национального примирения и мультирасового общества. Основное внимание уделено общественной Комиссии правды и примирения, созданной в 1994 г., которая рассмотрела 40 тысяч заявлений против 22 тысяч лиц. Принципы работы комиссии предусматривали амнистию всех виновных в преступлениях на расовой почве, если они дают признательные показания. Общий итог работы комиссии заключается в криминализации апартеида как политического режима.

Музей Лилислиф Фарм в Йоханнесбурге, открытый в XXI в., увековечивает революционную деятельность Н. Манделы, который скрывался в доме,

арендованном белыми коммунистами в районе Ривония. На территории городской усадьбы располагается несколько зданий, в том числе домик садовника, где жили Мандела и его товарищи, и помещение, где работала подпольная станция «Радио Свобода». В 1963–1964 гг., когда деятельность группы была раскрыта, жители усадьбы стали фигурантами «Ривонского процесса» о государственной измене. Четверо белых бежали до суда при помощи сочувствовавшего полицейского, а Н. Мандела и несколько его товарищей получили пожизненные сроки.

Экспозиция музея носит интерактивный характер с элементами квеста: посетителям предлагается посмотреть видеоролики в кинозале, прослушать «шпионские» аудиозаписи, сняв трубку старинного телефона, осмотреть интерактивную карту и артефакты в выдвигаемых ящиках, нажимая на специальные кнопки. Однако дизайн большей части экспозиции аналогичен Музею апартеида. Например, можно посмотреть ролики, иллюстрирующие различные последствия политики апартеида: паспортизацию и паспортный контроль, сегрегацию в общественных местах, например, отдельные выходы в общественном транспорте для «белых» и «небелых», переселение в тауншипы. Ролики, представляющие образ жизни белого и коренного населения, показываются параллельно, очевидно, в целях демонстрации социальной пропасти между этими группами.

Отдельно расположенные части экспозиции визуализируют поддержку АНК мировой общественностью. СССР не упоминается, однако целый зал посвящен военной подготовке активистов в ГДР, представленной как независимое государство, по аналогии с Норвегией и Швецией, которым посвя-

щены следующие по ходу осмотра залы. Последние, на наш взгляд, содержат отсылки к более поздним «цветным революциям».

Экспозиция в отдельном помещении посвящена вооруженной борьбе, представленной как ответ на насилие государства. Арт-объект, похожий на изгородь из металлических брусков, представляет собой памятник участникам вооруженной борьбы. Можно заключить, что концепция музея исходит из ее героизации.

В заключение можно отметить, что, с одной стороны, во всех обследованных мемориальных музеях идея жертвы служит основой самоидентификации групп, выступающих субъектами национально-государственного строительства. С другой стороны – эта жертва представлена в качестве героической, мученической и учредительной по отношению к соответствующей государственности. Влияние отмеченной исследователями тенденции сдвига к «постгероической» (само)виктимизации жертв исторических травм в наибольшей степени выражено в части экспозиции Музея апартеида, посвященной работе Комиссии правды и примирения. Доминирует героический нарратив, в соответствии с которым одна и та же социальная группа выступает в роли одновременно жертвы и борца сопротивления.

Для экспозиции рассмотренных музеев характерны акценты на вооруженной борьбе наряду с возложением ответственности на противоположную сторону. Репрезентации коллективной травмы и насилия выполняют легитимирующую функцию, обосновывая права на территорию и государственное строительство. Музейные экспозиции и мемориалы представляют образ разделенного общества.

Библиографический список

1. Sodaro A. Exhibiting Atrocity: Memorial Museums and the Politics of Past Violence. New Brunswick, 2018.
2. Содаро Э. Мемориальные музеи: возникновение новой формы // Неприкосновенный запас. 2020. № 128. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nz/128-2020/41267-memorialnye-muzei-vozniknovenie-novoy-formy.html>.
3. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М., 2014.
4. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3.
5. Айерман Р. Социальная теория и травма // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12, № 1.
6. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011.
7. Филатова И.И., Давидсон А.Б. Какого цвета «южноафриканское чудо»? Национально-демократическая

революция и национальные отношения в ЮАР в конце XX — начале XXI в. // *Raх Africana: континент и диаспора в поисках себя* / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2009.

8. Филатова И.И. Печальный конец «южноафриканского чуда». «Расовая трансформация» в ЮАР // *Культурная сложность современных наций* / отв. ред. В.А. Тишков, Е.И. Филиппова. М., 2016.

9. Городнов В.П. Апартхейд — тупиковый исторический эксперимент // *Raх Africana: континент и диаспора в поисках себя* / отв. ред. А.Б. Давидсон. М., 2009.

10. Филатова И.И. Южноафриканская история – поле идеологических сражений // *История – поле сражений*. М., 2015.

11. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей. М., 2019.